

Некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты экстремизма

Ларсаева Кесира Джалалдиевна

студентка 2 курса направление «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет"

В политическом смысле экстремизм представляет собой враждебность к основополагающим принципам демократии как форме политической организации общества и государства, в правовом - нетерпимость к демократическому устройству мира, непризнание или отклонение основ конституционного строя демократических государств, к числу которых относится Российская Федерация.

Экстремизм и демократия являются парными смысловыми категориями, они не могут существовать вне политики.

В ходе настоящего исследования выявлена психолого-политическая, а не «деятельная» сущность экстремизма, и, как следствие, логическим путём установлено его место в российском уголовном законе. Вне зависимости от того, понимаем ли мы экстремизм как противоправную деятельность или как систему определённых политических установок, в основу определения уголовно наказуемого деяния, как «преступления экстремистской направленности» ложатся специфические мотивы, что прямо следует из примечания 2 к ст. 282.1 УК РФ.

Теоретико-дедуктивный подход к исследованию экстремизма позволил установить, что не только «политическая», но и «идеологическая», «расовая», «национальная», «религиозная» «ненависть либо вражда», а также нетерпимость к «социальной группе» в контексте п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ являются составляющими одного антидемократического, антиконституционного криминального намерения — экстремистского мотива преступления.

Именно поэтому действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, формально не имеющие прямого отношения к посягательству на правовую структуру государства, посягают согласно ст. 282 УК РФ именно на основы конституционного строя Российской Федерации (гл. 29 УК РФ), а не на конституционные права и свободы человека и гражданина (гл. 19 УК РФ).

Вместе с тем только на основании признаков объективной стороны состава преступления невозможно однозначно говорить о его экстремистской направленности. Так, расклеивание подростками в общественных местах листовок неонацистского или антисемитского содержания может совершаться ими из корыстных побуждений по поручению членов экстремистских организаций, а убийство государственного деятеля в целях прекращения его политической деятельности — из мести за его участие в криминальном сообществе.

Непосредственным объектом преступления, совершённого по экстремистскому мотиву, по нашему мнению, всегда выступают демократические основы конституционного строя Российской Федерации. Поскольку названный объект преступного посягательства по своей сущности нематериален, определяющее значение при квалификации уголовно наказуемых деяний и определении суровости наказания играет процессуальное установление экстремистского мотива преступления либо цели свержения политического режима, а равно насильственного изменения конституционного строя России.

Обстоятельство, указанное в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, отражает в широком смысле слова

совокупность криминальных мотиваций политического характера, что порождает философско-политические и правовые вопросы относительно правомерности наличия таких мотивов в уголовном законодательстве демократического государства.

В демократических странах субъекты «политических преступлений» несут уголовную ответственность не за политические убеждения, а за объективно и виновно содеянное, если оно предусмотрено в законе. Например, убийство лидера государства или партии в политических целях квалифицируется как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ).

Вместе с тем в уголовном законодательстве России - демократическом правовом государстве, как это следует из ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации - политический мотив выступает не только обстоятельством, отягчающим уголовное наказание по усмотрению суда (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), но и обязательным квалифицирующим признаком ряда преступлений. Так, если мотив «политической ненависти или вражды» предусмотрен соответствующей статьёй Особенной части УК РФ в качестве признака состава преступления, то такое обстоятельство существенно повышает степень общественной опасности деяния и даже допускает возможность назначения виновному высшей меры уголовного наказания - пожизненного лишения свободы (например, по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Безусловно, правовая структура демократического государства нуждается в эффективной уголовно-правовой защите. На наш взгляд, только такое государство может в полной мере гарантировать естественные права и свободы человека и гражданина. Тем не менее, возведение государства в ранг наиболее важного объекта уголовно-правовой охраны, не может не противоречить сущности демократии. Однако принципам демократического государства, по нашему мнению, также противоречит, исходя из примера СВ. Азевой, формальное отнесение посягательства на жизнь государственного деятеля к преступлениям против основ конституционного строя Российской Федерации. В последнем случае, вместо установления истинных мотивов преступления, основное квалификационное значение приобретает лишь статус потерпевшего, который рассматривается законодателем как более «важный» объект преступления, нежели жизнь других граждан, чем опять же акцентируется приоритет государства над личностью.

Таким образом, на основании положений исследования можно прийти к двум противоположным выводам. Первый вывод состоит в том, что экстремизм действительно целесообразно оставить в уголовном законе на месте п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве «экстремистского мотива преступления» - обстоятельства, отягчающего уголовное наказание, в предложенной нами формулировке. Второй вывод является полярным: политический, а равно антиконституционный мотив преступления в демократическом государстве не должен иметь какого-либо уголовно-правового значения, равно как и политические цели виновных.

Определить наиболее верный из предложенных путей развития российского уголовного права чрезвычайно сложно, но не менее важно, на наш взгляд, что такую проблему удалось выявить и обозначить научными методами. Так или иначе, мы полагаем, что наделение экстремистского мотива преступления квалифицирующим признаком уголовно наказуемых деяний в настоящее время является мерой не столько теоретически обоснованной, сколько вынужденной и даже необходимой. Если пойти по пути формального исключения из уголовного закона п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (включая квалифицирующие признаки соответствующих составов преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ), ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, а также ст. 280 и 282 УК РФ, общественная опасность которых определяется лишь уровнем социальной нетерпимости в обществе, это может привести к значительному росту преступности на почве экстремистских воззрений в нашей стране. Поэтому такие меры выглядят очень рискованными на данном этапе

развития российского общества.

Однако нельзя констатировать и то, что нормы российского уголовного закона совершенны и полностью выполняют свою превентивную функцию в той степени, насколько это теоретически возможно. Кроме того, многие из тех норм, которые направлены на противодействие криминальным формам экстремизма, почти не функционируют, а в ряде случаев идут даже на пользу экстремистам в доказывании своей невиновности и непричастности к преступлениям. Таким образом, эффективность норм УК РФ, а также норм отраслевого законодательства необходимо поднять на значительно более высокий уровень.

Экстремизм представляет настолько широкое поле для научных исследований, что рассмотрение этой темы в существующей учебно-методической литературе по уголовному праву и криминологии является недостаточно полным.

Литература:

1. Бидова Б.Б. Проблема противодействия политическому экстремизму на северном Кавказе: анализ и пути решения //Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования <http://haa.su/Gtg/>. 2014. № 5. - С. 145-146.
2. Кагерманов А.С.С., Бидова Б.Б. Идеологические направления российского экстремизма конца XIX - начала XX вв // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2014. № 2 (39) <http://haa.su/AmC/>. - С. 45-48.